

Сунгуров Павел Александрович

преподаватель Тюменского государственного
нефтегазового университета

**ПЬЯНСТВО В СИБИРСКИХ
ГУБЕРНИЯХ НАЧАЛА XX В.
(ПО СВЕДЕНИЯМ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ВОПРОСЫ»)**

Sungurov Pavel Aleksandrovich

Lecturer, Tyumen State Oil
and Gas University

**EXCESSIVE DRINKING IN SIBERIAN
PROVINCES AT THE BEGINNING OF
XX CENTURY (ACCORDING TO THE
DATA OF “SIBIRSKIE
VOPROSY” JOURNAL)**

Аннотация:

Статья посвящена исследованию застаревшей проблемы Российского государства – пьянству. В сибирской глубинке вопрос чрезмерного потребления алкоголя стоял особо остро. Пьянство в большинстве случаев сопрягалось с иными видами девиантного поведения, главным образом с преступными деяниями. Такое положение дел вынуждало власть принимать меры для предотвращения повального распития спиртного. В работе обозначены количественные характеристики употребления алкоголя населением края, проводится сравнительный анализ с аналогичными показателями в иных регионах империи.

Ключевые слова:

«Сибирские вопросы», Сибирь, пьянство, спирт, контрабанда, Маньчжурия, полиция, преступность.

Summary:

The article studies an old problem of Russia – alcohol abuse. In Siberian provinces the problem of excessive drinking was especially acute. Hard drinking often was associated with other types of deviant behaviour, mainly criminal. Such situation called for urgent prevention measures on the part of the authorities. The author presents the qualitative characteristics of alcohol consumption in the region, compares it with the analogous figures of other regions of the Russian Empire.

Keywords:

“Sibirskie Voprosy” (“Siberian Issues”), Siberia, alcohol abuse, alcohol, smuggling, Manchuria, police, criminality.

Пьянство, широко распространенное в Сибирском регионе, было недугом местного общества, уходившим корнями в далекие века. На первый взгляд, ответ на вопрос, почему в Сибири много пили, должен быть банальным: край, далекий от центра страны, принимавший колоссальное количество ссыльного по разным мотивам контингента, не мог развиваться иначе. Чего иного можно было ожидать от «тюрьмы под открытым небом» [1]? Но исторические источники свидетельствуют, что причина этого явления носила более сложный и многогранный характер.

В целом можно констатировать, что пьянство было серьезной проблемой региона. Очевидно, меры по борьбе с данной пагубной привычкой местного общества принимались не в полном объеме. Прямым следствием этого являлась криминализация общества: «Кабак усиливает дикость и озверение, здесь совершаются самые гнусные насилия над личностью открыто, безнаказанно, редко в ком возбуждая ужас и отвращение» [2].

Любители злоупотребить алкоголем находились среди всех социальных слоев и групп. Не «отставали» в этом вопросе даже правоохранители. Вообще, пьянство в среде служащих полиции было делом скорее привычным, чем исключительным. Имеются сведения, в частности, до каких неслыханных масштабов распространялось употребление спиртного в среде туринских полицейских. Вероятно, понимая бессмысленность жалоб в полицейские и административные учреждения, местные жители решили привлечь к исправлению чинов силы другого характера. Зафиксировано, что в 1914 г. на одной из проповедей, проведенной в Туринской городской Средтенской церкви, священник Н. Булдыгин произнес слова обвинения в повальном пьянстве служащих местной городской полиции [3].

Следует осветить некоторые статистические параметры. Согласно официальным данным, за 1908–1910 гг. среднее потребление водки на одну душу населения для центральных губерний страны равнялось 0,595 ведра, для Сибири – 0,713 ведра. Если перевести эти цифры на более понятные меры измерения, то положение будет выглядеть так: для центра страны – 12 бутылок в год на человека, в Сибири – 13 соответственно.

Сравнивая Россию с иными странами в вопросе потребления алкоголя, журналисты делали акцент на то обстоятельство, что у нас основная масса населения пила исключительно водку в 40 %, чего не наблюдалось в Западной Европе, где жители употребляли преимущественно вино и пиво, содержавшие меньшую долю алкоголя.

Известно, что существовавшая в стране комиссия по изучению алкоголизма, обобщив двенадцатилетний опыт деятельности, сделала следующие выводы: «Несмотря на относительно малые размеры потребления алкоголя, России принадлежит печальное преимущество быть впереди многих государств по числу умирающих ежегодно от опоя, по числу арестуемых полицией в безобразном виде, по проценту алкоголиков, поступающих на излечение в психиатрические заведения, по степени болезненности и смертности». Эти выводы, бесспорно, были справедливы и для сибирской окраины, «не только разделившей все печальные преимущества государства, но даже перепившей ее и превзошедшей в этих преимуществах» [4].

Статистические сведения были не в состоянии воссоздать истинную картину размеров пьянства, так как имелись указания лишь на душевое употребление водки. Относительно благополучная ситуация менялась к худшему, если предметом анализа становилось количество водки, приходящееся на одного действительного потребителя. Для Сибири этот реальный объем составлял не менее одного ведра, причем чем дальше на восток, тем он увеличивался. «Лидерами» в обозначенном вопросе являлись Иркутская губерния и Якутская область (Иркутско-Якутское акцизное управление), где количество водки, приходящееся на одного потребителя, доходило до двух ведер.

Разница в потреблении водки в Западной и Восточной Сибири сказывалась и на размерах душевого потребления. Для разных регионов она выражалась в следующих цифрах на 1910 г., ведер: Тобольская губерния и Акмолинская область – 0,619, Томская губерния и Семипалатинская область – 0,633, Енисейская область – 0,761, Забайкальская область – 0,620, Иркутская губерния и Якутская область – 0,864. Здесь необходимо сделать следующую оговорку. Цифры в «душевом» отношении и на «действительного потребителя» были усредненными и недостаточно полными. Они формировались по официальным данным главного управления неокладных сборов и казенной продажи питья и касались лишь тех местностей, где была введена винная монополия. Район действия последней заканчивался Забайкальской областью, а дальше на восток продажа водки находилась в частных руках, и, как следствие, никакой системной статистики по распитию водки на этих обширных территориях не велось. Восточная Сибирь «славилась» изобилием заведений, которые вели торговлю алкоголем, так называемые винно-бакалейные лавки заполнили край [5].

Другим фактором, действовавшим в восточной части Сибири на увеличение потребления спиртных напитков и не поддававшимся никакому учету, являлся контрабандный ввоз в приграничные области Сибири спирта из Маньчжурии. При наличии громадной сухопутной границы, простиравшейся до 3 тыс. верст, и небольшом составе стражи (200 объездчиков и 50 контролеров) борьба с незаконными поставками оставалась тщетной, хоть и велась постоянно. Тем более что доставленный таким способом спирт благодаря дешевизне находил постоянный сбыт среди населения.

В местной печати утверждалось, что контрабанда спирта появилась в регионе после проведения железной дороги. Именно в связи с этим правительство начало выдавать вывозные и путевые премии за спирт, вывозимый с нашей восточной окраины в Китай, в виде помощи российским производителям для завоевания новых рынков сбыта продукции. На деле оказывалось, по сообщению тех же местных изданий, «почти все количество отправлявшегося в пределы Китая по сухопутной границе российского спирта ввозилось в Маньчжурию не ради удовлетворения местных потребностей в нем, а лишь в целях обратного водворения его из Маньчжурии в пределы России путем контрабанды». Таким образом, спирт, прибывавший из Маньчжурии, оказывался национального происхождения и к тому же перешедшим границу при благосклонном содействии власти [6].

В борьбе с пьянством сокращение числа питейных заведений не могло дать желаемых результатов, так как наряду с этим не предпринимались меры для просвещения народа и поднятия его культурного уровня. Общества трезвости, лиги против пьянства и прочее тоже признавались неэффективными, поскольку «строились над народом, а не выходили из него, из его сознания». Но часто власть собственноручно «обрубала» народную инициативу. К примеру, крестьяне Барнаульского уезда летом 1910 г. проявили желание обложить двухкопеечным налогом продажу каждой бутылки казенной водки. Собранные средства планировалось использовать для постройки и содержания школы. Ходатайство, посланное на утверждение в акцизное управление, было отклонено [7].

Таким образом, пьянство в Сибири было делом масштабным и трудноискоренимым, точнее сказать, неискоренимым. Проблема чрезмерного потребления алкоголя в регионе носила многогранный характер, и совершенно неверно считать, что причины подобного антисоциального явления крылись лишь в местном обществе. Корреспонденты оппозиционного издания справедливо подчеркивали, что местное население служило «пешкой в большой игре» государственной

власти. Царское правительство осознавало всю губительность происходивших в регионе процессов, но тем не менее работа по борьбе с алкоголизмом так и не получила конкретных очертаний, а принимаемые меры оказывались явно недостаточными.

Ссылки:

1. Сунгуров П.А. Полиция Тобольской губернии в 1867–1917 годах : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2014. С. 19.
2. Там же. С. 187–188.
3. Там же. С. 115.
4. Сибирские вопросы. 1912. 14 марта.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.

References:

1. Sungurov, PA 2014, *Police Tobolsk province in 1867-1917*: PhD thesis, Tyumen, p. 19.
2. Sungurov, PA 2014, *Police Tobolsk province in 1867-1917*: PhD thesis, Tyumen, pp. 187-188.
3. Sungurov, PA 2014, *Police Tobolsk province in 1867-1917*: PhD thesis, Tyumen, p. 115.
4. *Siberian questions* 1912, 14 March.
5. *Siberian questions* 1912, 14 March.
6. *Siberian questions* 1912, 14 March.
7. *Siberian questions* 1912, 14 March.